

**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН
И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(на примере деятельности Минусинского музея)**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Взаимовлияние хозяйственной жизни крестьян и городской культуры Сибири в пореформенный период (на примере деятельности Минусинского музея) / В. А. Зверев // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. И. Соловьева. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1988. – С. 74–94.

В январе 1987 г. исполнилось 110 лет со дня основания одного из первых на востоке страны и долгое время считавшегося лучшим краеведческого музея в г. Минусинске. Деятельность этого городского музея может служить ярким примером взаимодействия передовых общественных кругов России, использовавших возможности городов для развития хозяйства и культуры окрестного сельского населения, и той части крестьянства, которая своей деятельностью подготовила материальную основу и духовную атмосферу для успешной деятельности городских культурно-просветительных учреждений, практически участвовала в решении задач, ставившихся этими учреждениями.

Рассматривая этот пример, мы опираемся на следующее теоретическое положение В. И. Ленина, имеющее методологический характер: «... города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»¹. Констатируя это, В. И. Ленин считал в то же время, что свою историческую миссию города могут выполнять лишь «при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка»².

Приведенные выше формулировки были зафиксированы в трудах послеоктябрьского периода, но в них отражаются ленинские, взгляды, сложившиеся гораздо раньше. Думается, что известное влияние на формирование этих взглядов имело и знакомство В. И. Ленина, его ближайших товарищей по борьбе и сибирской ссылке с деятельностью Минусинского музея в конце XIX в. Известно, что В. И. Ленин во время ссылки знакомился с богатствами этого музея и имевшейся при нем библиотеки. Приезжая в Минусинск из с. Шушенского, он просиживал в библиотеке за книгами часами³. Имеется свидетельство очевидца о том, что во время встречи в самом Шушенском Владимир Ильич «с величайшим вниманием слушал рассказ Мартьянова (организатора и бессменного руководителя музея в период 1877—1904

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. — Т. 23. — С. 341.

² Там же. — Т. 40. — С. 7.

³ См.: *Войтик П.* Первый сибирский музей // Сибирские огни. — 1965. — № 2. — С. 192.

гг. — В. З.) о музее, о его исключительно тесной и плодотворной увязке с массами местного населения...»⁴. По воспоминаниям Е. Ф. Гущина, работавшего хранителем музея в 1891—1911 гг., Н. К. Крупская, посетив музей по приезду в Минусинск, очень интересовалась, в частности, хозяйственной жизнью, культурой и бытом населения Минусинского уезда, при этом задавала много вопросов и записывала ответы⁵. Она имела возможность оценить богатые материалы по интересовавшей ее теме, накопленные сотрудниками музея в результате активного содействия сельских жителей.

Уже в досоветской литературе обращение ряда авторов к конкретному анализу деятельности Минусинского музея приводило к выводам⁶, противоречившим весьма распространенной в официальных кругах и во всех направлениях дворянской, буржуазной и мелкобуржуазной историографии концепции одностороннего и по преимуществу негативного, развращающего влияния городов на образ жизни людей села. Руководитель музея Н. М. Мартьянов и ряд сотрудников в своих опубликованных работах дали значительный материал для анализа процесса плодотворного взаимодействия Минусинского музея и крестьянства юга Енисейской губернии⁷. Например Ф. Я. Кон, работавший в музее семь лет, опираясь на свои впечатления, свидетельства самого Мартьянова и документы архивных фондов музея, трактовал возникновение научно-просветительного учреждения в крае, где, по мнению тогдашних европейских ученых, «можно было собирать мхи и грибы на его обитателях», как результат совместных стремлений и трудов многих людей. Он подчеркивал большую роль и заслуги той среды, которая ко времени приезда Н. М. Мартьянова в Минусинск в 1874 г. была «вполне подготовленной к восприятию научного зерна, сеянного Мартьяновым с момента приезда»⁸. Характеризуя эту среду, Ф. Я. Кон называл на страницах своей книги наряду с представителями очень узкой тогда прослойки городской интеллигенции, а также купечества, мещанства немало крестьян Минусинского уезда.

Юг Енисейской губернии, где располагается обширная Минусинская котловина, во второй половине XIX в. был самым развитым в сельскохозяйственном отношении районом Восточной Сибири. Во многом это объясняется благоприятными природно-климатическими условиями: здесь было много степных и лесостепных участков земли с плодородной почвой,

⁴ Цит. по: Лалетин И. Рассказали письма // Правда. — 1977. — 2 марта.

⁵ МКМ, оп. 4, д. 169, л. 14—15.

⁶ См.: Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. — Томск, 1904. — С. 10—11; Григорьев В. Ю. Перемена в условиях экономической жизни населения Сибири. — Красноярск, 1904. — С. 95; Клеменц Д. А. Местные музеи и их значение для провинциальной жизни. — Иркутск, 1892. — С. 5—11.

⁷ См.: Аргунов П. А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог сельскохозяйственного отдела музея. — Казань, 1892. — 267 с.; Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902 гг.). — Казань, 1902. — 260, VI с.; Лукашевич А. О. Десятилетие Минусинского музея (1877—1887). — Томск, 1887. — 75 с.; Мартьянов Н. М. Минусинский публичный музей. — Томск, 1881. — 86 с.; и др.

⁸ Кон Ф. Я. Исторический очерк... — С. 35—36.

рельеф местности достаточно разнообразен, р. Енисей и ее притоки несут много воды, эти места — самые теплые в Сибири. Сформировавшееся здесь еще в XVIII в. старожильческое русское население в пореформенный период пополнялось переселенцами, в основном из числа бывших государственных крестьян Европейской России и Тобольской губернии. До 1890-х гг. в составе здешних переселенцев была значительной прослойка зажиточных крестьян. Они имели возможность довольно быстро завести хозяйство на свободных землях и совершенствовать его. Население жило преимущественно в крупных селениях, к которым тяготели располагавшиеся обычно неподалеку мелкие деревни.

Основным занятием русских крестьян в этих местах было земледелие, которое на равных сочеталось с весьма развитым животноводством. Охота и рыболовство имели в хозяйстве вспомогательное значение. Беличий промысел, охота на лисиц, коз, оленей и других промысловых животных находились в упадке в связи с резким сокращением их поголовья, связанным с интенсивным истреблением. «Знаменитый соболиный промысел, — констатировал крестьянин с. Курагинского Ф. Ф. Девятков в 1879 г., — прежде единственный источник доходов, дающий деньги и оплачивающий все подати местных жителей, прекратился вовсе. Теперь крестьяне знают об нем только по рассказам стариков, которые под хмельком на праздниках рассказывают, как они в былые времена лавливали черных соболей и черно-бурых лисиц»⁹. Обрабатывающая промышленность находилась на примитивном уровне, на стадии домашнего производства и ремесла. «Телеги, сани, дуги, сохи, бороны и все нужные орудия сельского хозяйства крестьяне делают сами. Стол, кровать, простой диван и стулья тоже делаются многими у себя дома — своими руками», — отмечал тот же Девятков в публикации 1885 г.¹⁰ Из необходимых в хозяйстве вещей в лавках брали обычно лишь гвозди, сбрую для лошадей, косы и серпы, подпилки для их наточки, сошники, порох да свинец.

Основной земледельческой культурой в этих местах, занимавшей до половины посевных площадей, была яровая пшеница. Сеяли также немало овса. Посевы яровой ржи и ячменя были сравнительно небольшими. Еще меньше места занимали «гречуха», конопля, лен, горох, просо. Озимые хлеба считались «необходимыми» на периферии степной и лесостепной зоны, занимавшей весь центр котловины, в подтаежных и таежных местностях, где снег зимой не выдувало ветром.

Как и в других издавна освоенных районах Сибири, на юге Енисейской губернии крестьяне своим упорнейшим трудом создали к середине XIX в. довольно рациональную в тогдашней исторической обстановке, в высокой степени приспособленную к местным

⁹ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 17.

¹⁰ Девятков Ф. Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянства // Литературный сборник. — СПб., 1885. — С. 314.

природно-климатическим, демографическим и социальным условиям систему земледельческого хозяйства. Например, под пашню здешние жители занимали, прежде всего, участки, расположенные на холмах, так объясняя причины этого: на возвышенных местах редки перемены температуры, долше не бывает инея, выпадает больше осадков. На южных, юго-восточных и юго-западных склонах холмов и гор, кроме того, хорошо прогревается земля. В нормальных условиях, а тем более в «смошные» (дождливые) годы здесь вырастали хорошие хлеба. Однако одновременно, учитывая непостоянство местного климата, на всякий случай старались «приспоравливать» пашню и в других местах — в низинах, на северных склонах и т. д. Здесь она давала неплохие урожаи в засушливые годы. Расположение пашни ставилось также в зависимость от рода высеваемых хлебов, их сортности и т. д.¹¹

Еще один пример рациональности традиционного хозяйства минусинских крестьян — достоинства местных земледельческих орудий. Изготавливавшаяся здесь соха-сибирка с двумя сошниками высоко оценивалась крестьянами-старожилами благодаря простоте изготовления и ремонта, возможности тянуть ее всего лишь парой лошадей, а также из-за соответствия ее конструкции местным почвенным условиям. Песчаный чернозем с неглубоким горизонтом залегания не допускал глубокой перепашки. Ф. Ф. Девятков так характеризовал в 1879 г. принципы работы местных земледельцев: «При подъеме нови, чем мельче пашня, тем выгодней, верхний слой всегда в состоянии поднять первый хлеб, как бы мелко вспахано ни было. Перепахивая же под второй хлеб, немножко углубляются, и так идет постепенное углубление, и прибавляется в разрыхляемый слой свежая нетронутая земля. Этим соблюдается экономия сил, содействующих произрастанию злаков»¹².

Заключительная формулировка приведенной выше цитаты весьма примечательна: наиболее дальновидные из крестьян осознавали, что в интересах сохранения плодородия почвы человек должен по возможности меньше вмешиваться в объективные процессы, происходящие в почвенном слое, вести его обработку в минимальных масштабах. Крестьянин с. Курагинского М. М. Курагин, оценивая достоинства сохи-сибирки, говорил в 1865 г.: «Местами о ней сложена поговорка “сибирская соха плугу сестра”, но местами плуг ее заменить не может. Все плуги строятся так, чтобы пахать глубже, а здесь местные условия при распашке навечной ли целины или залежи требуют пахать как можно мельче и по мере надобности углубляться. Сибирская соха к этому приспособлена, а главное, дешева...»¹³. Курагин считал, что «имеет за собой будущность» и употреблявшаяся здесь деревянная борона с железными зубьями, тоже простая в изготовлении и допускавшая варьирование количества зубьев — их вбивали от 16 до 24, в зависимости от качества почвы и вспашки.

¹¹ МКМ, оп. 3, д. 120, л. 38; оп. 4, д. 181, л. 9; *Путевые очерки // Сибирь*. — 1884. — 23 декабря.

¹² МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 6.

¹³ Там же, оп. 3, д. 120, л. 142.

Зажиточные крестьяне, запрягавшие в упряжку одновременно 7—8 борон, ставили вперед бороны с редкими зубьями, а позади — с более частыми¹⁴.

Приведенные выше примеры — лишь немногие из тех, которые показывают, что десятилетиями своего практического и познавательного опыта крестьяне юга Енисейской губернии накопили множество ценных агрономических, технологических и агротехнических приемов, полезных знаний и навыков экологического, лесотехнического, зоотехнического, гидрологического характера. Большая часть этих результатов практической и познавательной деятельности крестьян имела местное значение. Многие же нуждались в выявлении, научном осмыслении и пропаганде как бесценное достояние общенациональной культуры. Юг Енисейской губернии нуждался, таким образом, в учреждении научно-исследовательского и одновременно просветительского профиля, которое взяло бы на себя задачу изучения и публичной демонстрации как краеведческого материала, так и достижений более широкого характера.

Одно из направлений тех инноваций в хозяйственной жизни крестьян Минусинского округа, которые нуждались в изучении и развитии — определенное улучшение техники и агротехники. Крестьяне не идеализировали качества своих орудий труда, приемов работы — наряду с сильными их сторонами зачастую видели и их недостатки. В условиях втягивания хозяйства в товарно-денежные отношения, сокращения земельной свободы, характерной для «досельных», «старопрежних» времен, хозяйствовать по-старому значило обрекать себя на неминуемое разорение. 1860—1880-е гг. были временем, когда в Енисейской губернии происходило определенное сокращение урожайности зерновых культур¹⁵. В этих условиях крестьяне предпринимали попытки совершенствования старых и применения новых орудий труда, приемов агротехники. Уже в 1866 г. в с. Тесинском у богатого скопца Федора Евсева была устроена первая в этой местности молотильная машина, и с этого же времени стали распространяться ручные веялки и сортовки. Деревянную отвалку у сохи-сибирки некоторые стали заменять металлической. С 60-х гг. в д. Малой Минусе и д. Кривой стали употребляться «малороссийские» плуги. Один из первых плугов в этой местности был выписан в 1869 г. с Нижегородской ярмарки в с. Курагинское. Первая жатка «Колонистка» пошла в работу в 1875 г. в том же селе¹⁶.

Земледельцы осознавали необходимость дальнейших усовершенствований. «Недостаёт еще одного важного орудия, для поднятия пластов залога нужна трехугольная борона с загнутыми назад ножами, чтобы ходила поперек пластов и резала, а то [имеющейся] бороной

¹⁴ Там же, л. 142—143.

¹⁵ См.: *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. — Иркутск, 1894. — Т. 4. — Вып. 4. — С. 101.

¹⁶ МКМ, оп. 3, д. 120, л. 142—143.

пласты рвать очень трудно», — считал Михаил Курагин¹⁷. Он же, а вслед за ним Федор Девятов считали необходимым такую перестройку сохи-сибирки: вместо двух должен быть один сошник с наваренным сталью поднятым пером, железная отвалка «необходимо должна заменить деревянную...»¹⁸. В полеводстве шел процесс перехода от «захватно-росчистой» к «правильной залежной (переложной)» системе. В некоторых степных деревнях жители подумывали о введении «чисто степного хозяйства», при котором «плуг в 4 пары волов будет подымать землю на глубину 4—5 вершков, земля эта будет лежать до следующей весны, рано весной ее будут подборанивать (“скородить”) и сеять 2—3 хлеба, а затем опять бросать в залежь»¹⁹. В местах подтаежных (д. Имис, д. Кужебары и др.) крестьяне считали «полезной и необходимой мерой» введение двухпольной системы, оживленно обсуждали ее преимущества²⁰.

«В виде опыта», по словам Ф. Ф. Девятова, относящимся к 1879 г., в нескольких местах крестьяне сеяли «свекловицу» (сахарную свеклу), горчицу, рапс и подсолнечник — культуры в этих местах новые. Как выяснилось, они давали здесь хороший урожай²¹. В ряде местностей производились довольно успешные попытки искусственного орошения пашен и покосов. Устройство «мочагов» (запруд и оросительных канав) совершалось обычно коллективными усилиями сельских общин, но иногда этим занимались и отдельные домохозяева²². Часть крестьян в 70—80-х гг. искала пути повышения плодородия своих пашен через внедрение в полеводство органических удобрений²³.

Существенным фактором, способствовавшим инновациям в местном земледельческом хозяйстве, являлись приселения новоселов в старожильческие населенные пункты, создание переселенческих поселков. Ф. Ф. Девятов отмечал, что именно с прибытием переселенцев в 1884—1885 гг. здесь «вводится обычай поднимать новь осенью после уборки хлебов, пока не замерзнет земля» (раньше старожилы пахали залоги в покос или даже в страду)²⁴. Распространение сабанов, более совершенных по сравнению с сохой пахотных орудий, также связано с деятельностью новоселов. Молотильные машины первыми применили переселенцы из Пермской, Вятской и Тобольской губерний в д. Таскиной Сагайской волости, в с. Никольском, д. Большеидринской, д. Малокнышенской Идринской волости и других местах. Пермяки же, а также переселенцы из Орловской губернии наладили производство деревянных молотильных машин, веялок, сортировок в д. Таскиной, д. Куряты

¹⁷ Там же, л. 143.

¹⁸ Там же, л. 142; оп. 1а, д. 52, л. 6.

¹⁹ Там же, оп. 3, д. 120, л. 143.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, оп. 1а, д. 52, л. 5.

²² Там же, л. 10; *Прибавление* к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ о поездке в Сибирь осенью 1895 г. — СПб., 1896 — С. 10.

²³ МКМ, оп. 1, д. 48, л. 7.

²⁴ Там же, оп. 3, д. 120, л. 146.

и д. Нижне-Кужебарской Сагайской волости²⁵.

Очень занимала крестьян проблема улучшения качества семян, использовавшихся для посева. Министр земледелия и государственных имуществ, посетивший Сибирь в 1895 г., констатировал, что сибирские крестьяне «не упускают случая купить и испробовать семена какого-нибудь сорта пшеницы, а иногда ездят за семенами за целые сотни верст»²⁶.

Многие наблюдатели и исследователи крестьянской жизни отмечали, что не знавший крепостного права сибиряк был более инициативен, чем бывший крепостной из Европейской России, что он «превосходно приспособляется к местным условиям и охотно вносит в свое хозяйство те изменения, необходимость которых вызывается изменениями обстановки, среди которой он живет»²⁷. На восточной окраине страны, где пережитки феодализма были слабее, чем в центре, крестьянское хозяйство имело определенные преимущества с точки зрения перспектив капиталистического развития. Однако и в Сибири действовали многие факторы, которые существенно затрудняли развитие крестьянского хозяйства, обуславливали его низкий уровень. Главным образом, это, факторы социально-экономического и политико-правового характера, однако определенную роль играли и особенности культурной обстановки в сибирской деревне: крайне низкая общая грамотность крестьянства, малое количество поступающих сюда книг и периодических изданий, отсутствие системы специального образования крестьянских детей, регулярно действующей сети культурно-просветительных учреждений внешкольного типа и т. д.²⁸ «Чево мы знам? Живем в лесу, молимся колесу!» — говорят они (крестьяне. — В. З.) с глубокой иронией и затаенной обидой на порядки, обрекающие их на умственный застой и невежество», — писал уже в начале XX в. политический ссыльный, ставший в Сибири известным этнографом, А. А. Макаренко, наблюдая, в частности, в течение многих лет жизнь крестьян на юге Енисейской губернии²⁹.

Развитие сельского хозяйства сдерживалось, в частности, полным отсутствием в Сибири до 1895—1896 гг. регулярной агрономической службы. В Енисейской губернии агроном с небольшим штатом появился позже всего — в 1904 г. До самой Октябрьской революции агрономическая организация в Сибири была беспомощной, она «не оставила ... твердых общественно-агрономических традиций, не создала организационных форм, не выработала

²⁵ Там же, оп. 1, д. 48, л. 42—45.

²⁶ Ермолов А. С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ о поездке в Сибирь осенью 1895 г. — СПб., 1896, — С. 29.

²⁷ Ермолов А. С. Всеподданнейший доклад... — С. 28—29; См. также: *Азиатская Россия*. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 128; *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский окр. и его жизнь. СПб., 1865. — Ч. 1. — С. 18—19; и др.

²⁸ См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. — Новосибирск, 1983. — С. 327—333; *Горюшкин Л. М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX). — Новосибирск, 1967. — С. 268—269; *Зверева К. Е.* Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1988. — 18 с.

²⁹ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. — СПб., 1913. — С. 19—20.

наиболее целесообразных, по местным условиям, методов»³⁰. В 1887—1889 гг. в кругах, близких к генерал-губернатору Восточной Сибири графу А. П. Игнатьеву, возникла мысль открыть в Минусинском округе земледельческое училище, дать крестьянам возможность знакомиться с усовершенствованными орудиями труда. Но дело не пошло дальше покупки нескольких образцов орудий, которые провезли по селениям. «Население само пробивает дорогу к культуре», — с горечью отмечал видный публицист-демократ Н. М. Ядринцев, рассказывая об этом и сетуя на то, что по сравнению с Европейской Россией, где определенных сдвигов в развитии агрономической службы добились земства, Сибирь находится в крайне невыгодном положении³¹.

Можно сказать, что сельские жители юга Енисейской губернии приняли активнейшее участие в подготовке почвы для создания такого учреждения, каким стал уже в первые годы и десятилетия после своего образования Минусинский музей, сделали возможным его создание и плодотворную деятельность. С другой стороны, такое учреждение было необходимо им. Им нужны были советы и практическая помощь людей, имеющих специальные знания и широкий научный кругозор и в то же время близких им, внушающих доверие.

Таким человеком был Николай Михайлович Мартьянов – разночинец, аптекарь, человек широких знаний, демократически настроенный просветитель. Уже в первый год по приезде в Минусинск в 1874 г. его контакты вышли далеко за пределы города и его жителей. Во время своих частых поездок в различные местности, селения он интересовался растительностью (особенно лекарственными травами), любопытными природными объектами, старинными вещами и т. д. Охотно завязывал разговоры на хозяйственные, медицинские, исторические и бытовые темы с сельскими жителями во время посещения последними его аптеки и музея в городе, консультировал и консультировался, просил о сотрудничестве.

Среди самых первых собраний Мартьянова, вошедших позднее в фонд музея, была коллекция таежных растений, собранная Ф. Ф. Девятовым на р. Ирбе в 1874 г.³² В 1875 г. житель с. Бейского Ф. Н. Пименов доставил Мартьянову, кроме других предметов, интереснейшие окаменелости девонской формации с р. Беи, «которые побудили Академию наук поручить известнейшему сибирскому геологу И. А. Лопатину исследовать эту местность и проверить находки»³³. Коллекции накапливались, хранить их на квартире провизора было негде, выставлять для обозрения невозможно. В такой обстановке по

³⁰ Осипов И. И. Агрономическая помощь // Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — Стб. 15—19.

³¹ См.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — 2-е изд. — СПб., 1892. — С. 387.

³² См.: Кон Ф. Я. Исторический очерк... — С. 39.

³³ Там же, с. 40.

инициативе Мартьянова, при активнейшей поддержке городской общественности в 1877 г. в Минусинске был открыт музей, а в следующем 1878 г. — библиотека при нем.

После этого сбор экспонатов для экспозиции стал целенаправленным, приобрел гораздо большие масштабы. В весьма неполном «Алфавитном списке жертвователей и сотрудников музея», составленном в 1902 г. и помещенном в качестве приложения к книге Ф. Я. Кона, мы находим немало фамилий русских крестьян и казаков, а также крестьян другой этнической принадлежности, сельских жителей из числа учителей, священников, писарей. Крестьянин д. Иудиной Бейской волости Е. Ф. Корчиков еще в 1883 г. предоставил музею образцы сельскохозяйственных продуктов, руды. Различные «древности» отдали в музей крестьяне Королев (д. Галактионова), Орочко (с. Шушенское), казаки Барзов (д. Имек), Ермолаев (с. Саянское) и др. Крестьянин из с. Курагинского А. И. Волосов привез в 1896 г. образцы мрамора и различных руд, Е. Копцев из д. Самодуровки в 1901 г. — аметист. И это далеко не все фамилии. Сотрудничал с музеем садовод из с. Дубенского Ж. Г. Никифоров, который доставил медоносные растения, яблоки, выращенные в своем саду, старинные китайские вещи. П. С. Каргополов (с. Курагинское), С. С. Григорьев (с. Идринское), Н. А. Трухин (с. Ермаковское) и другие предоставляли экспонаты для сельскохозяйственного отдела, делились сведениями о развитии сельского хозяйства в Минусинском округе³⁴.

«Алфавитный список...» называет среди жертвователей музея несколько десятков сельских жителей. Сословная принадлежность и род занятий большинства из них не указаны. Но из других источников мы знаем, что многие из их числа были крестьянами и казаками, занимавшимися земледелием. Некоторые сотрудничавшие с музеем крестьяне занимались также кузнечным, кожевенным делом, торговлей.

Особую группу крестьян, доставлявших в Минусинский музей экспонаты, составляли переселенцы-латыши, жившие сплоченной колонией в д. Нижняя Буланка, и эстонцы — жители колонии Верхний Суэтук. Через посредство учителей Я. А. Дрикке и К. Миндгольма (земляков колонистов) они передавали для этнографического отдела недорогие вещи. Житель д. Верхний Суэтук М. Е. Меллер, кроме того, предоставил музею в 1896 г. «древности», семена хлебов, различные сведения. П. П. Лассман из Нижней Буланки, сотрудничавший с музеем долгое время (с 1885 по 1898 г.) доставлял сюда насекомых, растения и пр. Сельскохозяйственный, промышленный, естественноисторический отделы музея завязали контакты с местным аборигенным (хакасским и тувинским) населением. «Иностранцы» И. К. Доможаков с р. Абакан, Д. А. Майнагашев из с. Аскызского, М. Костояков из д. Означенной, Е. П. Мохов с устья р. Усы и другие привозили в Минусинск древние орудия местного хозяйства и быта, образцы руды, растительного мира.

³⁴ Там же, с. 221—254.

Само по себе сотрудничество крестьян с городскими музеями Сибири было явлением, наблюдавшимся не только в Минусинске. Известный агроном и общественный деятель Н. Л. Скалозубов писал в 1912 г.: «Каждому сибирскому музею известны лица из местных крестьян, интересующиеся изучением края и собиранием коллекций, оказывающие музеям услуги в их деятельности»³⁵. Но масштабы связей с местным, в том числе сельским, населением, которые наладил Минусинский музей, были для дореволюционной Сибири беспрецедентными. Особый отпечаток на эти связи накладывало сотрудничество с музеем таких ярких личностей, как крестьянин д. Иудиной Т. М. Бондарев, упоминавшийся уже житель с. Курагинского Ф. Ф. Девятов и др.

Об авторе одной из самых поздних по времени создания социальных утопий в России Тимофее Михайловиче Бондареве имеется обширная литература³⁶. Бывший крепостной крестьянин из Области войска Донского, он более 30 лет (в 1865—1898 гг.) до своей смерти прожил в Минусинском округе в качестве ссыльного. Это был человек глубоких крестьянско-демократических убеждений, яркого публицистического дарования, находившийся в переписке с рядом выдающихся современников, в т. ч. с Л. Н. Толстым и Г. И. Успенским. Бондарев подарил музею свой труд «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», изданный благодаря усилиям Л. Н. Толстого в сокращенном переводе во Франции в 1890 г., а также рукопись еще одного своего сочинения — «Памятник».

Менее освещена в литературе личность Федора Федоровича Девятова. Мальчиком он был привезен в Сибирь родителями-переселенцами из Владимирской губернии. «Самоуком» выучившись грамоте, Девятов приобрел массу знаний благодаря регулярному чтению и неустанной опытнической деятельности, которую вел с 1864 г. Девятов выписывал и испытывал семена новых сортов хлебных культур, занимался улучшением породы местного скота, ставил квалифицированные опыты по травосеянию, применению органических удобрений и т. д.³⁷ Известен ряд публикаций статей Девятова в периодических изданиях³⁸. В одном из изданий Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) помещена записка Девятова «О нуждах хозяйства в Минусинском уезде», составленная незадолго до смерти автора в 1901 г. Кроме чисто хозяйственных вопросов, которые автор трактует с большим знанием дела, он пишет об особенностях географического положения местности («мы живем в центре самого величайшего материка на нашей планете, ни одного морского порта ближе 5 тыс. верст от нас нет»); о проблеме тарифов и экспорта —

³⁵ Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири. — СПб., 1912. — С. 5.

³⁶ См.: Клибанов А. Я. Народная социальная утопия в России (XIX в.). — М., 1978. — С. 283—331.

³⁷ См.: Мешалкин П. О хлебе Минусинском // Енисей. — 1984. — № 2. — С. 56; МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 23.

³⁸ См.: Девятое Ф. Ф. Хозяйственный быт...; Он же. По поводу семейных разделов и некоторых других явлений в экономической жизни минусинских крестьян // Сибирская газета. — 1885. — № 51; и др.

хлебный экспорт из Енисейской губернии устроится только тогда, «когда изобретут воздушные корабли (я в это верю)»; о проблемах взаимоотношений труда и капитала («капитал — это неоплаченный труд...») и т. д., проявляя недюжинную начитанность и самостоятельность взглядов³⁹.

Девятюв, тесно сотрудничая с музеем, регулярно доставлял сюда растения, минералы, модели сельскохозяйственных орудий, сообщил множество сведений об истории и современном состоянии сельского хозяйства в округе, о результатах своих сельскохозяйственных опытов. К нему постоянно обращались сотрудники музея для консультаций по вопросам сельского хозяйства. Так, в фондах Минусинского музея имеется рукопись Мартьянова о почвоведении, полеводстве и огородничестве в округе. К ней приложена записка автора к Девятюву с просьбой прочесть рукопись и сделать свои замечания. По возвращении рукописи Мартьянов обещает прислать на рецензию и другие свои рукописи (видимо, из цикла работ о сельском хозяйстве). Девятюв приложил свои очень обстоятельные замечания, иногда существенно дополняющие или уточняющие данные Мартьянова. Кроме того, он выписал и извлечения из рассказов старожила с. Курагинского М. Курагина о местном сельском хозяйстве, а также родословную Курагиных⁴⁰. Анализ рукописей и статей Мартьянова, сочинений П. А. Аргунова, заведовавшего сельскохозяйственным отделом музея, описаний экспозиций музея в конце XIX в. показывает, что не только сведения Девятюва и Курагина, но и материалы, полученные от многих других крестьян становились объектом изучения, обобщались и затем пропагандировались.

Одним из способов сбора материалов стало анкетирование сельских корреспондентов. Мы располагаем обстоятельными ответами на анкеты, рассылавшиеся крестьянам, а также лесничим, сельским учителям, священникам, писарям. В них характеризуются местные почвенные условия, орудия труда, приемы земледелия и скотоводства, отражаются субъективные оценки местными жителями состояния своего хозяйства, тех экономических и социальных условий, в которых оно развивалось.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют ответы Дмитрия Хрисанфовича Братилова, крестьянина д. Жерлык Тесинской волости. Еще в 1888 г. его имя зафиксировано среди жертвователей музея — он доставил сюда образцы местных сельскохозяйственных культур, древние вещи. Анкета, о которой идет речь, касалась проводившихся Братиловым в 1887—1889 гг. опытов по удобрению полей навозом. Вывезя в первый год удобрения на 1,75 дес., во второй — на 0,5 дес. и в третий — на 50 саж.² «выпаханной» пашни по различной

³⁹ См.: *Нужды* сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. — Красноярск, 1903. — С. 37—38.

⁴⁰ МКМ, оп. 3, д. 120, л. 144—146.

норме на разные участки, Братилов в опытных целях сеял здесь овес, пшеницу, яровую рожь, полбу и получал неплохие урожаи. Но расширять применение удобрений он не собирался, объясняя это так: «Пока есть новь для пахоты ... новую землю расчистить от лесу стоит десятина 15 руб., которая будет лет 29 давать хороший урожай, а занавозить десятину стоит 13 руб. сер., которая может дать два урожая порядочных». Мартьянов задал в анкете, в частности, очень важный вопрос: «Какого мнения придерживаются крестьяне относительно удобрения? Что они говорят об опытах Ваших и других?» Братилов ответил: «Мнения здешних крестьян насчет удобрения двоякие. Одни говорят, что если денег много, то пушай возит навоз, а так как таковых у некоторых вовсе нет, то они кое-как старые земли перепарят, то и ладно»⁴¹.

Обратимся теперь к анализу «обратной связи» — к мерам, предпринимавшимся Минусинским музеем с целью помощи крестьянам в развитии их хозяйства, расширения кругозора массы сельчан. Провозглашенная музеем цель «быть рассадником знаний» в известной мере достигалась благодаря осмотру его экспозиций посетителями. В 1891 г. музей посетило, по данным Н. М. Ядринцева, около 8 тыс. человек со всего округа⁴². «Надлежаще устроенная раздача улучшенных семян, демонстрация улучшенных орудий и агентура по их приобретению населением, популяризация наблюдений метеорологической станции применительно к местному сельскому хозяйству, систематические объяснения выставленных коллекций...», — такие ближайшие задачи ставил перед собой сельскохозяйственный отдел⁴³.

Еще в 1889 г. Мартьянов предложил Иркутской обсерватории устроить в округе несколько дождемерных станций. Вскоре такие станции были устроены в д. Верхний Суэтук, д. Жерлык, на Ивановском свеклосахарном заводе, а в 1890 г. — в с. Шушенском, с. Тесинском, с. Усть-Абаканском и д. Малой Минусе. Получив от обсерватории соответствующее оборудование, работу на станциях вели в основном местные учителя, священники, студенты из местной среды. В Жерлыке станция была устроена уже знакомым нам крестьянином Д. Братиловым⁴⁴. Музей пропагандировал результаты работы дождемерных станций среди окрестных крестьян.

Наиболее заметное внешнее влияние на хозяйственную жизнь села оказало, вероятно, распространение Минусинским музеем улучшенных семян многих знакомых крестьянам земледельческих культур, пропаганда новых культур. Традиция такой работы была заложена в этой местности еще ссыльными декабристами (их жило здесь когда-то 11 человек). Они

⁴¹ Там же, оп. 1, д. 48, л. 7.

⁴² См.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... — С. 645.

⁴³ Аргунов П. А. Очерки сельского хозяйства... — С. XI.

⁴⁴ Кон Ф. Я. Исторический очерк... — С. 202.

засевали опытные участки культурами, которых сибиряки «от дедов не сеяли», — турецким, венгерским и американским табаком, сахарной свеклой и др.⁴⁵ В 1883 г. Минусинский музей, получив от Енисейского губернатора небольшие партии семян для посева, впервые передал их крестьянам. В последующие годы размеры партий семян, розданных крестьянам для опытов и последующего разведения, увеличивались. Они содержали в себе семена новых высоких сортов пшеницы — кубанки, ташкентки, черноколосой, красноколосой, озимой кандемирки; ржи — яровой шампанской, яровой Гассельберга, озимой шампанской заграничного и русского посева; овса — австралийского, канадского, французского; ячменя английского Шевалье; льна псковского; гороха сахарного; новых сортов гречихи, арбузов и других культур. Точное количество лиц, которым передавались семена для посева, а также населенных пунктов, где они жили, установить трудно. В 1884 г. в этой работе было задействовано, по-видимому, 9 чел. В 1886 г. семена были переданы в 12 селений, в 1887 г. — в 11, в 1888 — в 17. В каждом из них было от 1 до 3—4 корреспондентов-опытников. Среди них можно назвать Ивана Быкова (с. Табат), Николая Пашенных (с. Курагинское), Петра Мыльников (с. Кочергино), Михаила Щелкунова (д. Жербатиха), Степана Беляева (заимка Паначева), Флегонта Колмакова (д. Колмакова), Ивана Дорофеева (с. Верх-Кужебары)⁴⁶. В последующие годы сотрудничество музея с крестьянами при испытаниях и акклиматизации новых культур и сортов продолжалось примерно в тех же масштабах.

Вместе с высокосортными семенами опытникам передавались бланки подробнейших отчетов, которые нужно было представить в музей. Отчеты предусматривали следующие сведения: время посева, количество посеянных семян, качество земли, сроки жатвы, урожайность в снопах, пудах и фунтах. Требовалось тщательно проанализировать также внешний вид выращенных растений (количество стеблей в кусту и т. п.), указать, какова урожайность местных сортов данной культуры, лучше ли новые сорта здешних, одинаковы или хуже и чем именно, не вредили ли какие-то внешние факторы росту хлебов, не перерождался ли сорт в какой-нибудь другой и т. д.⁴⁷

Поскольку семена передавались не случайным людям, а хорошо известным Мартьянову и его сотрудникам и самым надежным крестьянам, отчеты обычно были аккуратными и тщательными. Опытники понимали большое значение своей работы. Вот выдержка из письма Мартьянову «сельского хозяина» из д. Березовки Марка Егоровича Ковалева от 16 апреля 1884 г. Уведомляя о согласии на получение семян, он пишет: «... вполне оцениваю высокое значение этого опыта в области нашего сельского хозяйства — при наших постоянно меняющихся климатических условиях и при недостатке вообще семян, которые

⁴⁵ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 10.

⁴⁶ Там же, оп. 1, д. 48, л. 1—217.

⁴⁷ Там же.

хотя и есть, но смешанные, перерод и одних общеупотребительных сортов. О результатах посева и образе полученных семян, а равно о соломе, колосе и в общем урожае — я доставлю Вам ... самые обстоятельные и по возможности самые точные сведения»⁴⁸.

Сношения с крестьянами по поводу передачи им семян и получения от них отчетов музей использовал для пополнения своей экспозиции (опытники были самыми активными поставщиками в музей коллекций и отдельных вещей), а Мартьянов, кроме того, — для пропаганды медицинских знаний, для снабжения сельчан лекарствами из своей аптеки. «Непременным условием» получения семян для опытов и последующего разведения была передача определенной доли урожая соседям и односельчанам для их дальнейшего распространения. Часть улучшенных семян музей рассылал сельским учителям с той же целью — для бесплатной раздачи крестьянам. Это, во-первых, способствовало появлению новых связей крестьянства с музеем, а, во-вторых (и это главное), — улучшению семенного фонда, внедрению в полеводство и огородничество Минусинского округа новых культур, сортов.

Крестьяне очень хорошо понимали пользу хороших семян, стремились сохранить их «от перерода» (потери качеств, генетически присущих данному сорту). Они старались по мере возможности сохранить для посева свои собственные семена (а не брать зерно из хлебозапасных магазинов), причем использовали «головку» (лучшую часть урожая), а не «охвостья». Осуществляя время от времени перемену семян во избежание их вырождения, крестьяне обставляли это, как чрезвычайно важный жизненный акт, массой всяких идущих из глубокой древности условий и обрядов⁴⁹. О закупке из городов улучшенных семян за деньги большинству сельчан нечего было и думать. «Выписывать посевной хлеб по 10—15 руб. за пуд никакой здешний крестьянин не решится», — писала в своей передовой статье газета «Сибирь» в 1884 г.⁵⁰ Безвозмездная помощь Минусинского музея тут была очень кстати, она вызывала большую признательность неимущих крестьян.

Что касается чисто опытнической, исследовательской деятельности крестьян по испытанию выдававшихся им семян, то она, конечно, не могла вестись большинством из них достаточно квалифицированно, на высоком научном уровне. В письме Енисейскому губернатору Н. М. Мартьянов писал в 1888 г.: «На основании опыта последних лет мне приходится, к сожалению, убедиться в невозможности получать своевременно обстоятельные сведения от крестьян, которые, при всем том, чрезвычайно интересуются реальной стороной дела, т. е. улучшением на самом деле своих семян... Урожай, за

⁴⁸ Там же, л. 87.

⁴⁹ Там же, оп. 3, д. 120, л. 148; *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. — СПб., 1905. — Т. 2. — С. 242—243.

⁵⁰ *Наши сельскохозяйственные нужды* // Сибирь. — 1884. — 5 июля.

немногими исключениями, определяются ими, правда, взвешиванием, но далеко не точно и без соблюдения всех необходимых предосторожностей против ошибки. Вообще, внимание хозяина, несмотря на все разъяснения важности точных отчетов, преимущественно привлекает эмпирически наглядный результат, который он потом в состоянии выразить только в общих чертах, словами: родилось, не родилось, хорошо, лучше, много лучше и т. д., в сущности, мало говорящими о сравнительных успехах опытов. Констатируя это, я отнюдь не думаю подвергать сомнению огромную пользу самих опытов разведения в здешнем округе лучших сортов культурных растений, — напротив, польза их очевидна даже для малоразвитых крестьян, доказательством чего служит множество обращаемых ко мне просьб о снабжении семенами, хотя бы и в самых незначительных количествах; но если цель опытов, кроме возможного улучшения ... семян, употребляемых здешними земледельцами, состоит еще и в получении полных и точных цифровых данных для решения вопросов о сравнительной выгодности здесь различных сортов растений, то цель эта, как мне кажется, не может быть вполне достигнута путем раздачи семян отдельным лицам, а потребовала бы еще и другого рода опытов, например — опыта посева всех сортов семян в одном образцово веденном хозяйстве, под тщательным наблюдением сведущих, научно и практически подготовленных лиц...»⁵¹. Кстати, имелись слабые места, обусловленные низким образовательным уровнем, и в деятельности крестьян по сбору экспонатов для музея, предметов для исследования. В частности, Мартьянов сетовал, что образцы почв, доставлявшихся по его просьбе крестьянами, обычно были взяты неумело: слишком малого объема, без подпочвы, без необходимых в таких случаях объяснений места залегания и т. д.⁵²

Гораздо менее проблематична плодотворность совместной деятельности Минусинского музея и связанных с ним сельчан по обновлению семенного фонда в сельском хозяйстве округа. Начало 90-х гг. XIX в. было ознаменовано крупными успехами минусинских крестьян на сельскохозяйственных выставках. Енисейский губернатор писал, что «достоинство и разнообразие сельскохозяйственных растений, преимущественно хлебных, и семян от них, экспонированных на сельскохозяйственной и промышленной выставке 1892 г. в г. Красноярске от трехсот почти сельских хозяев Енисейской губернии, подтвердили ... заботу сельского населения улучшать существующую у них культуру хлебов...»⁵³. Ф. Ф. Девятов, например, был награжден на этой выставке малой золотой медалью за сельскохозяйственные растения и серебряной — за культуру льна.

В 1893 г. коллекция семян с юга Енисейской губернии была признана «выдающегося достоинства» на всемирной выставке в Чикаго. Для участия в этой выставке в Красноярске

⁵¹ МКМ, оп. 1, д. 48, л. 131—133.

⁵² Там же, оп. 3, д. 120, л. 28.

⁵³ *Прибавление к всеподданнейшему докладу...* — С. 40.

были отобраны образцы семян 16 сортов яровой и озимой пшеницы, несколько сортов овса, ячменя, «ярицы» и озимой ржи, взятые у 13 сельских хозяев, в числе которых было 9 крестьян. В Петербург экспонаты прибыли с опозданием, но «ввиду необыкновенно высокого качества» их было решено отправить в Америку дополнительным грузом. Бронзовыми медалями на выставке в Чикаго были награждены, в частности, крестьяне из Ачинского и Минусинского округов, в том числе опять Ф. Девятков⁵⁴.

Долгое время Минусинский музей был единственным учреждением, которое помогало крестьянам юга Енисейской губернии в развитии их хозяйства, содействовало специальному (сельскохозяйственному, ремесленному) просвещению деревни. Но в 90-х гг. XIX в. по инициативе и при содействии музея в Минусинске был создан склад сельскохозяйственных орудий, продававший крестьянам плуги, жатки и т. д. На рубеже 80—90-х гг. под влиянием деятельности Минусинского музея появились первые попытки опытной деятельности в сельских школах Министерства народного просвещения. Так, в Идринском училище ученики под руководством учителя, используя выписанные семена, довольно удачно занимались выращиванием хлебных культур, делали посадки дуба, американской ели, яблони и барбариса⁵⁵.

С 1890 г. распространением сельскохозяйственных знаний и улучшенных семян среди сельских хозяев «озаботился» возникший в Красноярске отдел МОСХ. Ежегодно он выписывал у компании «Иммлер и сын» (Москва) на получаемые из казны 300 руб. 32—33 пуда хлебных семян и до пуда семян огородных культур. Через местные административные органы (в Минусинском округе – через музей) отдел раздавал эти семена крестьянам, обязывая последних сообщать сведения об урожайности по определенной форме. «Крестьяне весьма дорожат выписанными семенами и стараются развести данный им сорт хлебов, если он окажется пригодным для местных почвы, климата и системы полеводства», – отмечал в 1895 г. енисейский губернатор, возглавлявший Красноярский отдел МОСХ⁵⁶. Крестьяне в своих отчетах об использовании семян констатировали, что многие сорта овса (канадский, австралийский, желанный), пшеницы (красноколосая, улучшенная остистая и безостая, императорская), ячменя (Шевалье, Галлета), яровой ржи (Гассельберга) «хорошо рождаются и устойчивы в типе»⁵⁷.

Важно правильно оценить результативность этой работы. В какой степени деятельность Минусинского музея, тех административных и общественных органов, с которыми он сотрудничал, а также крестьян, находившихся в сфере его влияния, реально повлияла к

⁵⁴ См.: Мешалкин П. О хлебе минусинском. — С. 55.

⁵⁵ См.: *Материалы по исследованию...* — 1893. — Т. 4. — Вып. 2 — С. 8.

⁵⁶ *Прибавление к всеподданнейшему докладу...* — С. 40.

⁵⁷ Там же.

началу XX в. на состояние сельского хозяйства на юге Енисейской губернии? Вопрос этот вызывал противоречивые ответы уже у участников этой работы и современников, интересовавшихся ею.

Так, в 1902 г. на заседаниях Красноярского отдела МОСХ были высказаны на этот счет противоположные мнения. Обсуждались результаты проведения анкеты, разосланной в селения с просьбой сообщить о случаях проявления личной и общественной инициативы в области улучшения сельского хозяйства. Анализируя, в частности, ответы из Минусинского уезда, Д. М. Головачев констатировал, что ни один из корреспондентов не упомянул о распространении семян Минусинским музеем и Красноярским отделом МОСХ. Объясняется это, по его мнению, как малым количеством ответов, так и весьма ограниченными масштабами этого распространения. П. А. Аргунов и вице-председатель отдела В. Ю. Григорьев более оптимистически смотрели на вещи. Они резонно обратили внимание на то, что первоначально сравнительно небольшое количество улучшенных семян, которое было пущено в посев, давая урожай, с каждым годом прогрессивно увеличивалось и обратилось в десятки пудов. Результаты этого были настолько велики, что их даже трудно учесть: вероятно, в уезде в какой-то момент были обновлены все семена⁵⁸.

В свете имеющихся в нашем распоряжении материалов становится ясным, что обе эти полярные оценки слишком односторонни и истина лежит где-то посередине. Недооценивать деятельность энтузиастов не приходится: о значении их работы говорят многие факты. Прежде всего, обращает на себя внимание отмеченное советскими исследователями некоторое повышение урожаев зерновых культур в Енисейской губернии в 90-х гг. XIX в. и особенно в начале XX в. Существовавшая в предыдущие три десятилетия тенденция спада урожайности сменилась противоположным процессом, что было бы невозможным без существенного улучшения семенного фонда, совершенствования техники и агротехники в житнице губернии — Минусинской котловине. В 1901—1906 гг. овес давал в Енисейской губернии самые высокие в Сибири урожаи, пшеница же по урожайности уступала лишь Томской и Тобольской губерниям, где условия для ее выращивания были лучшими⁵⁹. Высокая оценка хозяйственных успехов минусинских крестьян на выставках тоже говорит сама за себя.

Однако не следует и преувеличивать значение деятельности таких учреждений, как Минусинский музей дооктябрьской эпохи. Он располагал очень небольшим штатом сотрудников, скудными материальными возможностями для развертывания работы, находился под жестким контролем царских властей, которые стремились ограничить

⁵⁸ См.: *Нужды сельскохозяйственной промышленности...* — С. 2—4.

⁵⁹ См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* — С. 67, 193.

просвещение деревни, подчинить его классовым интересам помещиков и капиталистов. Энтузиазм Н. М. Мартьянова, сотрудничавших с ним интеллигентов г. Минусинска и Минусинского округа не мог решающим образом повлиять на состояние сельского хозяйства и культуры крестьянства, ибо услугами музея могли воспользоваться главным образом лишь представители верхних социальных слоев деревни. И Девятов, и Братилов, и большинство других сотрудничавших с музеем в деле развития своего хозяйства крестьян — это люди богатые или достаточно зажиточные, располагавшие капиталами для вкладывания в полеводство, животноводство, огородничество и нередко применявшие труд батраков. Источники единогласны в том, что на рубеже XIX—XX вв. внедрение усовершенствованных машин, наиболее передовых систем полеводства, агротехники, улучшенных сортов имело место преимущественно в кулацких хозяйствах Минусинской котловины⁶⁰.

Один из активных участников культуртрегерской работы в Енисейской губернии изучаемого периода В. Т. Волков в своем докладе на заседании Красноярского отдела МОСХ задавал такие резонные вопросы: «Каким образом крестьянин перейдет, например, к содержанию скота по всем правилам зоогигиены, когда он сам живет в антигигиенической обстановке? Как он будет приобретать племенных животных, когда после первого же неурожайного года многим приходится распродавать скот? Возможно ли употребление в хозяйстве улучшенных семян, когда нередко за отсутствием хлеба приходится ходатайствовать о ссуде на обсеменение полей?»⁶¹. Тяжелые экономические, социальные и правовые условия, в которые было поставлено в Восточной Сибири, как и повсюду в стране, крестьянское хозяйство: сравнительная узость рынка, тяжелое сочетание капиталистических форм эксплуатации и полуфеодальных податей и повинностей, разорявшее основную массу деревенских жителей, сословное неравноправие крестьян и «инородцев», административный произвол властей — все эти факторы решающим образом определяли состояние хозяйственной жизни и культурного уровня сельчан. Титанические усилия самих крестьян-тружеников по поддержанию и развитию достигнутого уровня экономики и культуры, усилия в том же направлении некоторых административных и культурно-просветительных учреждений, организаций, базировавшихся в городах, реально сказывались лишь на положении небольшой зажиточной части крестьянства

Использованные в настоящей статье материалы показывают, что в условиях капиталистической перестройки сельского хозяйства юга Енисейской губернии во второй половине XIX в. определенная часть крестьянства, развивая достижения традиционного народного опыта, воспринимая с большим трудом проникавшие в сибирскую деревню

⁶⁰ МКМ, оп. 4, д. 122, л. 2—3; д. 181, л. 9; *Труды* местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — СПб., 1903. — Т. 54. — С. 309; и др.

⁶¹ *Нужды* сельскохозяйственной промышленности... — С. 28.

элементы науки, поддерживало довольно высокий уровень экономики и трудовой культуры. Тем самым крестьяне участвовали в создании предпосылок для появления в административном и культурном центре этого края — г. Минусинске — учреждения, призванного заняться изучением местного хозяйства и культуры, обобщением и пропагандой имеющихся достижений. Плодотворная работа Минусинского музея в пореформенный период связана не только с инициативой и активностью части городской интеллигенции, купечества и мещанства, но и значительным вкладом определенного круга сельских жителей, сотрудничавших с музеем к обоюдной пользе. Демократически настроенные круги горожан (в том числе из среды политических ссыльных) использовали возможности музея, в частности, для распространения в деревенской среде достижений научной и технической мысли, общих и специальных знаний. Эта работа, разумеется, не предполагала коренной перестройки социально-экономических и политико-правовых условий, в которых развивалось сельское хозяйство Сибири, и потому сама по себе не могла радикально повлиять на образ жизни сельчан. Но определенным позитивным сдвигам в области хозяйства и культуры в деревне деятельность Минусинского музея способствовала.

В конце изучаемого периода минусинские крестьяне охотно сотрудничали и с другими, возникшими к тому времени в городах, общественными организациями, активно участвовали в общественном движении за расширение и углубление системы народного просвещения (в том числе специального — ремесленного и сельскохозяйственного)⁶². Будучи носителями высокой культуры, такие ученые, общественные деятели и просветители, как Н. М. Мартыанов, Ф. Я. Кон, Д. А. Клеменц, П. А. Аргунов, А. О. Лукашевич, А. А. Кропоткин, Е. А. Яковлев, многое сделали для изживания в сознании наиболее отсталой в культурном отношении массы местного крестьянства антинаучных представлений и предрассудков, помогли в приобщении к лучшим достижениям культуры наиболее подготовленным для этого сельским жителям.

⁶² ЦГИА, ф. 398, оп. 67, II разд., д. 111, л. 2—4; *Труды местных Комитетов...* — С. 241—265.